

ЯНА ВАГНЕР

ОДИН
НОРМАЛЬНЫЙ
ДЕНЬ

Часть сборника: Счастье-то какое! (сборник)

Яна Вагнер

Один нормальный день

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вагнер Я.

Один нормальный день / Я. Вагнер — «АСТ», 2018

«Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья... Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе – однако ненадолго; как поколотите замучившего всех гада, как будете ждать рождения нового человека, как встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать свадебный торт, запивая испанским хересом, – словом, заживете жизнью героев истории».Произведение входит в сборник «Счастье-то какое!»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вагнер Я., 2018
© АСТ, 2018

Яна Вагнер

Один нормальный день

© Яна Вагнер, 2018.

© Составление, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018.

ЯНА ВАГНЕР. Прозаик, переводчик. Автор романов «Вонг-озеро», «Живые люди», «Кто не спрятался».

У нее были славные круглые грудки, совсем коричневые от загара, тонкие голенастые ноги, острые коленки, маленькие пальцы, растопыренные по изнанке кожаных сандалий, и выпуклый детский живот, как у пластмассовой куклы. Она сняла с себя майку сразу, как только вылезла из машины: стянула ее через голову и не глядя бросила назад, на сиденье, и тут же застыла, подставив солнцу пустые ладони и запрокинутое лицо. Остальные еще деловито хлопали дверцами, перекрикивались, тащили из багажника тяжело звякающие пакеты и сумки; полтора часовая дорога из душного города еще продолжалась для всех, кроме нее, потому что дорога не заканчивается до тех пор, пока бутылки не переключаются в морозильник, мясо не скуксится под наспех устроенным маринадом и сумка с вещами, пусть даже неразобранная, не будет брошена поверх чужой кровати. Мир устроен так, что даже двухдневную вылазку за город облагает обязательным налогом, паузой, необходимой для перезагрузки: прежде чем перейти к отдыху, нужно выкурить первую сигарету, оглядеться, выдохнуть, сказать хозяевам какую-нибудь вежливую ерунду. А для девочки – через покрытое утренней испариной оконное стекло Рогову показалось, что лет ей вряд ли больше двадцати, – этих условностей словно и не существовало. Ей было очевидно плевать на сумки, бутылки и неизбежную процедуру знакомства. Она выбралась из автомобиля и в ту же секунду оставила позади дачные пробки и вялую дорожную скуку, отделилась, оторвалась и перепрыгнула через глупые тормозящие ритуалы. Он и заметил-то ее не из-за снятой майки, под которой к тому же обнаружился скучный верх спортивного купальника, словно и в этом вопросе она не готова была допустить никаких проволочек, а именно благодаря ее явному нежеланию терять время. С недавних пор в роговской системе приоритетов у времени конкурентов не осталось. Девочка была молодец.

Выходить из дома и встречать приехавших показалось ему лишним; отчасти – из-за примера незнакомой девочки в кожаных сандалиях, отчасти – из упрямого протеста против их вторжения. Не надо было их пускать, подумал он со слабым раздражением, наблюдая через кухонное окно, как они дурашливо прыгают по двору, закрывают ворота и тормозят свою застывшую спутницу; или, по крайней мере, нужно было сказать ему, чтобы приехал один, кому нужен этот детский сад на выезде?

Мальчик позвонил вчера в неудачный момент. Рогов старался, чтобы моментов этих было как можно меньше, и, как ему казалось, уже достиг в этом определенных успехов, но в любой стратегии рано или поздно находились слабые места. Вчерашний план действий дал сбой, и когда расчирикался телефон, он нарушил правило и снял трубку, а сделав это, выяснил, что в самом деле рад услышать человеческий голос. Пап, сказал мальчик, ну ты как там? Слушай, пап, сказал он потом, не дождавшись ответа, а ничего, если мы с ребятами заедем на выходные? Давай, Ванька, ответил Рогов сразу же, хрипло и с благодарностью, и пожалел о сказанном почти в ту же секунду, и продолжал жалеть до сих пор. Чтобы как-то уравновесить напрасную свою вчерашнюю уступку, он мстительно рассмотрел в утреннем зеркале свое заросшее седоватой щетиной лицо и бриться не стал, как не стал и вытряхивать пепельницы или мыть скопившуюся за пару дней посуду. Когда лязгнула тяжелая входная дверь, а в прихожей послышались голоса, Бобкин радостный визг и цокот когтей, Рогов вспомнил, что вчера глупый пес опять нажрался травы и оставил на коричневой плитке белесую лужицу со смятыми

изжеванными стебельками, и почувствовал все-таки что-то похожее на раскаяние. Уж собачью блевотину точно можно было убрать.

Как всегда, Боб принял на себя неловкость первых минут, когда незнакомые люди появляются на пороге. Выглянув в коридор, Рогов уперся взглядом в две пары аккуратных девчачьих ягодичек и поверх умильного писка и восторженных Бобкиных прыжков кивнул сыну с безопасного расстояния, поздоровался, не приближаясь. И Ванька, нагруженный сумками, послал ему с порога обычную свою осторожную улыбку, а за спиной у него – и за эту непреодолимую сейчас дистанцию Рогов тоже был благодарен двум присевшим на корточки девочкам и скачущему сеттеру – топорщился ненавистный и вечный Ванькин друг, щекастый Дима Гордеев, вскинувший руку в нелепом римском приветствии. Рогов досадливо повернулся и шагнул назад, в гостиную, хлопая себя по карманам, пытаясь нашарить сигареты. Не надо было, черт, не надо было их приглашать.

Четыре с лишним недели он провел один на один с дружелюбным бестолковым псом, звенящей летней подмосковной тишиной, наполненной сверчковым стрёкотом и ночным жабым треском. При всем желании он не мог бы признать эти жаркие недели прожитыми зря, потому что неожиданно обнаружил, что наедине с самим собой и глупой собакой почти не чувствует паники, какую непременно нагнали бы на него люди, которых он двадцать лет звал своими друзьями. Панику впускать было нельзя. Паника всё бы испортила.

Первая же затяжка наполнила рот неприятной горечью. Хотя бы кофе стоило сварить, сказал он себе с негаснущим раздражением и по пути к кофеварке неожиданно подумал о женщине, приходившейся матерью мальчику, звенящему сейчас бутылками в прихожей; она ненавидела эту его привычку курить до завтрака, и чтобы не расстраивать ее, он долго, несколько лет подряд, через силу по утрам заталкивал в себя еду, хотя никогда, сколько себя помнил, не чувствовал голода раньше полудня. Со временем кому-то из них – кому? – надоел этот утомительный ритуал: то ли она устала о нем беспокоиться, то ли он перестал бояться ее расстроить, и с дурацкой пищевой прелюдией, предшествующей первой утренней сигарете, оказалось покончено задолго до того, как они перестали вместе спать и делать вид, что всё еще любят друг друга. Спустя десять, кажется, лет после развода эта лицемерка закурила сама и дымила теперь безо всяких ограничений; во время их (нечастых) телефонных разговоров то и дело слышались щелчки зажигалки и знакомые любому курильщику паузы между словами. И на балкон ведь не выходишь, я же слышу, не выходишь ни на какой балкон, возмущался он, и она, смеясь, отвечала – отстань, Рогов, женщина в моем возрасте может позволить себе хотя бы один полноценный порок. Теперь, на расстоянии, ему и правда казалось, что пороков у нее было не так уж и много.

В слегка запылившемся жерле кофеварки обнаружилась полная чашка остывшего кофе с осевшей сморщенной пеной. Он попытался вспомнить, когда именно последний раз подходил к кофеварке – вчера? два дня назад? – и не вспомнил. Выплеснул маслянистую жижу в раковину – на белых чашкиных бортах осталась противная жирная полоса – и почувствовал легкий приступ тошноты. С аппетитом последнее время не очень складывалось, желание что-нибудь съесть или выпить сделалось непрочным, летучим и пропадало из-за любой ерунды. С кофе, похоже, в этот раз ничего не выйдет, подумал он безрадостно, а жаль. Голова была тяжелая, веки щипало, и впереди маячил длинный день в компании жизнерадостных малолеток. Спал он накануне плохо и мало. Сразу после полуночи разразилась первая за бог знает сколько безвоздушных летних ночей прекрасная, яростная гроза, и вместо сна он несколько часов просидел под распахнутым настежь окном, глядя в чернильное фиолетовое небо и жадно слушая, как дождь сильно, волнами бьется в металлические скаты крыши, чувствуя кожей, как он плюется сквозь открытую раму острыми ледяными брызгами, вдыхая рвущийся снаружи густой запах мокрой земли.

Неприятный Гордеев, успевший уже где-то разоблачиться и являвший теперь взорам расплывшийся торс с тугим выпирающим животом – когда он успел так разожраться, ему же и тридцати еще нет? – возник в проеме между гостиной и кухней, виляя бедрами и фальшиво насвистывая арию заморского гостя. На голове у него раскачивалось пластиковое ведерко магазинного шашлыка, которое он придерживал одной рукой, как индийская красавица с кувшином. Добравшись до Рогова, он обрушился на одно колено и, стащив со своей плоской макушки тяжеленное ведро, простер его к Рогову, вытянув руки.

– Куда его, Михалыч? – спросил он фамильярно.

– В помойку? – предложил Рогов с удовольствием. Даже сквозь мутный пластик видно было, что шашлык тошнотворен. – Пять килограммов свиного жира в уксусе, малыш, – это вещь совершенно несъедобная. Этим даже жалко пачкать шампуры.

Гордеев на «малыша» не обиделся. Поднявшись на ноги с необычной для толстяка легкостью, он озабоченно воззрился на ведро и сообщил после некоторой паузы:

– Ты понимаешь, Михалыч, собирались как-то впопыхах.

– Я говорил ему, пап, что ты не одобришь, – весело сказал Ванька, но, обернувшись, Рогов увидел, что улыбка у него напряженная, почти виноватая, и ругнул себя. Мог ведь раз в жизни и притвориться, конечно, мог бы. Всё равно ему, похоже, удастся заставить себя проглотить разве что кусок или два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.